

На правах рукописи

Погребинская Вера Александровна

**Институциональные особенности начала индустриализации России
(последняя треть XIX – первая треть XX вв.).**

**Специальность 08.00.01. – экономическая теория
(Область исследования – экономическая история)**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора экономических наук**

Москва - 2009

Работа выполнена на кафедре истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный консультант: доктор экономических наук, профессор
Покидченко Михаил Георгиевич

Официальные оппоненты: доктор экономических наук, профессор
Караваева Ирина Владимировна
доктор экономических наук, профессор
Маркова Анна Николаевна
доктор экономических наук, профессор
Самохин Юрий Михайлович

Ведущая организация: Российская экономическая
академия имени Г.В. Плеханова,
кафедра истории экономических учений

Защита состоится 30 сентября 2009 года в 15 часов 30 минут в ауд. 314 на заседании диссертационного совета Д 501.001.23 в Московском Государственном Университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 3-й гуманитарный корпус, экономический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки 2-ого учебного корпуса МГУ имени М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан «__» июня 2009 года.

Ученый секретарь,
диссертационного совета,
Кандидат экономических наук

Л.В. Рой

1. Общая характеристика работы.

Актуальность темы диссертационного исследования связана с потребностью современной практики в теоретических подходах, позволяющих решать сложные проблемы коренного изменения институциональной структуры во взаимосвязи с развитием макроэкономической структуры. В разработке подобных подходов важны не только мировой, но и отечественный исторический опыт, а также их сравнение.

Изучение отечественного исторического опыта позволяет применить методы, прошедшие проверку временем, а также предложить новые методы с учетом российской специфики развития. В экономической истории России наиболее плодотворно для формирования теоретических подходов к решению современных проблем исследование периода последней трети XIX – первой трети XX века. В это время складывалась макроэкономическая структура индустриального типа, связанная с трансформацией старых и созданием новых институтов. Взаимосвязь между изменениями в макроэкономической и институциональной структурах зависела от того, насколько социально-экономическая политика правительства ориентировалась на генетические черты развития России. В настоящее время, когда стоит задача формирования инновационной экономики, способной обеспечить долгосрочную основу развития социального государства, такая ориентация также определяет подобную взаимосвязь и, соответственно, эффективность социально-экономической политики в реализации поставленной цели.

Теоретическая актуальность темы связана с тем, что многие методы, использованные в период формирования индустриальной макроэкономической структуры не исчерпали своего потенциала и могут быть использованы в переходный к новой постиндустриальной структуре.

Практическая актуальность обусловлена тем, что данные методы позволяют определять границы государственного регулирования в области оптимального соотношения между различными секторами экономики.

Степень разработанности проблемы. Для рассмотрения научных разработок проблем начального периода индустриализации представляется целесообразным выделить:

- период исследования современниками начального периода индустриализации
- последняя треть XIX – первая треть XX века (первый период);

–период 60-х годов XX века, когда возникло «новое экономическое направление», представители которого изучали начальный период индустриализации с иных, чем их предшественники методологических позиций;(второй период)

–современный период, на котором изучается взаимосвязь процессов индустриализации и модернизации (третий период)

В каждом из этих периодов, по возможности, рассматриваются представители различных направлений: формационного, цивилизационного, культурологического, институционального, философско–религиозного.

Специально следует выделить зарубежные исследования начального периода индустриализации, которые посвящены проблеме роли государства в переходе от аграрной структуры к индустриальной.

Научные разработки проблем начала индустриализации в *первом периоде* велись в основном в рамках исследования общих и особенных черт развития капитализма в России. *Формационное направление*, представленное в основном марксистами (В. Ленин, а также до начала XX века П. Струве, М. Туган-Барановский), исходило из трех стадий развития капитализма в промышленности: ремесло, мануфактура, фабрика. Появление фабрики и развитие машинного производства понимались ими как взаимосвязанный процесс. Индустриализация рассматривалась как процесс преимущественного развития отраслей I подразделения общественного производства и повышения их роли в росте производительности труда в экономике в целом. Достижением формационного направления в дореволюционный период была постановка проблемы уровня развития России в связи с темпами роста I подразделения (В. Ленин). Как известно, уровень развития России определялся В. Лениным как средний и достаточный для социалистической революции.

Статистические исследования выдающихся ученых России (С. Прокоповича, Л. Кафенгауза, Г. Фельдмана) показали, что Россия по уровню валовых показателей в период конца XIX – начала XX века была на пятом месте в мире и на четвертом в Европе. Это подтвердило вывод Ленина о среднем уровне развития России. Его позиция заключалась в том, что этому уровню в России соответствуют новейшие формы организации хозяйства и достаточно захватить власть, чтобы обратить эти формы на благо народа. Социализм понимался Лениным как монополия, обращенная на пользу народа¹.

---

¹ Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 192.

Представители *цивилизационного подхода* заостряли внимание на тех сферах развития России, где она значительно отставала от передовых стран: сельское хозяйство, потребление и грамотность населения, развитие машиностроения (В. Воронцов, И. Озеров). Они считали, что индустриализации должно предшествовать инвестирование в сельское хозяйство и отрасли сферы потребления.

Институциональный подход к исследованию начала индустриализации был впервые применен современниками этого периода: П. Струве, С. Булгаковым, М. Туган-Барановским, П. Милюковым². В центре внимания этих ученых оказались доказательство свободы выбора хозяйствующего субъекта и влияние на его поведение культуры. Принципиальное значение, на наш взгляд, имеет вывод о том, что реализация задач хозяйствования в конечном итоге взаимосвязана с согласованием интересов (государственных, общественных, групповых, личных). Роль стимулирования того или иного поведения хозяйствующего субъекта в этой структуре становится особенно очевидной в переходные периоды. Мотивация хозяйствующего субъекта во многом определяется уровнем и типом культуры.

В этой связи чрезвычайно актуальна для современного развития, хотя и наименее известна, концепция, предложенная П. Милюковым. Суть концепции состоит в попытке объединения теории типа развития России (*цивилизационный подход*) и стадии развития (*формационный подход*) в противоположность их традиционному противопоставлению. Подобное объединение осуществляется на основе исследования культурных традиций России. Под культурной традицией П. Милюков понимает, в частности, умение меняться, которое слабо развито в России. Такое понимание культурной традиции представляется нам актуальным, если добавить к «умению меняться» умение оставаться самим собой. В современной ситуации подобные умения важны для выработки научно обоснованных решений в области регулирования хозяйства.

Необходимость изучения влияния личности на ход исторического процесса вызвала потребность изучения психологии россиян. В научной литературе нет единства в оценке данного фактора к началу XX века. В зависимости от идеологической направленности авторы обосновывают как коллективизм и

---

² Эти ученые сами не считали себя институционалистами. Они не давали определения институционального метода исследования, но анализ их научных трудов свидетельствует о применении данного подхода. См. Струве П. Критические заметки. К вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894; Его же. Хозяйство и цена. СПб., 1913; Его же. Избранные сочинения. М., 1999; Булгаков С. Философия хозяйства. М., 1990; Туган-Барановский М. Основы политической экономии. М., 1998.

соборность православного населения России, так и принудительный характер этих черт. Показательно в этой связи высказывание Н.А. Бердяева, который считал, что россияне слишком общественны, потому что слишком отчуждены друг от друга. Их толкает к коллективизму необходимость, а не свобода. Эта мысль Бердяева основывается на его понимании высшего типа общества, который, по его мнению, объединяет принцип личности и принцип общности. Такой тип Бердяев называет «персоналистический социализм»³. И Н. Бердяев, и В. Лосский, и В. Соловьев в своих исследованиях говорили как о реальной психологии россиян, так и о «должной», которую необходимо воспитывать.

Формирование культурной традиции в России во многом зависит от особенностей российской интеллигенции, которая рассматривается в работах философов религиозного направления (Н. Бердяев, С. Булгаков, Л. Франк). Обращение к исследованию этих философов в настоящее время актуально в связи с тем, что они были современниками выделения из интеллигенции той ее части, которая формулировала цели политического развития. Характеристика этой части интеллигенции позволяет понять причины победы чисто политических вариантов в формулировке целей экономического развития России. В качестве одной из таких причин деятели науки, культуры и литературы русского зарубежья рассматривали появление нового типа псевдоинтеллигента, основная черта которого – склонность к ораторству и кукуйству, тяготение к псевдокультуре⁴.

Второй период исследования проблем начала индустриализации представлен «новым экономическим направлением» (А. Анфимов, П. Волобуев, М. Гиндин, Ю. Нетесин, К. Тарновский). Данное направление, используя достижения *формационного направления* предшествующего периода (40–60-е годы XX века – С. Струмилин, П. Хромов, П. Лященко), предложило подход, основанный на определении типа развития России. Характерной чертой такого типа они считали экономическую многоукладность. Исследования представителей «нового экономического направления» доказали, что многоукладность связана не столько с переходным характером периода, переживаемого Россией в конце XIX – начале XX века, сколько с разнообразием генетических условий ее развития. Для начального периода

3Бердяев Н. О рабстве и свободе. Опыт персоналистической философии. Париж. 1939

⁴ Ходасевич В. О горгуловщине //Цит. по: Зверев А. Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920–1940 гг. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 284–285.

индустриализации данный вывод был важен как объяснение необходимости длительного взаимодействия различных социально-экономических секторов.

Третий (современный) период обогатил изучение начального периода индустриализации, связав его с процессом модернизации России. Ученые этого периода (В.Красильников, Б. Миронов, В. Гутник, Н. Проскурякова В. Рязанов)⁵ изучают начало индустриализации в связи с этапами модернизации хозяйства России в рамках цивилизационного подхода.

Первый период включения России в процесс «модернизации», по их мнению, относится к периоду реформ Петра I (первая четверть XVIII века). Именно тогда впервые в России была сформулирована догоняющая модель развития, суть которой заключалась в ориентации на развитые страны Европы – Голландию и Англию. Практическим результатом применения данной модели при Петре I стало: развитие мануфактуры в промышленности; активное торговое сальдо; возрождение купечества; основание новой столицы, построенной по лучшим западноевропейским образцам. Но какой ценой были достигнуты данные результаты! В эпоху Петра I население России уменьшилось на 20% (сыграла роль и Северная война, длившаяся более 20 лет), снизилась грамотность населения, ужесточилось уголовное законодательство.

Непомерно высокая цена модернизации и при Петре I, и в дальнейшем во многом определялась тем, что она систематически подталкивалась потребностями ведения войн. По нашим подсчетам, в XVIII веке около 40% общественного времени ушло на войны, в XIX и XX веках – около 30%. Исторически волнообразность модернизаторских процессов в России также во многом связана с периодами войн. Первая волна модернизации подталкивалась Северной войной (1700–1721), вторую во многом определило поражение в Крымской войне (1853–1856), третья последовала за Первой мировой войной, революцией и Гражданской войной (1914–1921).

В рамках первого периода модернизации, по мнению названных выше авторов, проходила протоиндустриальная стадия, в рамках второго и частично третьего (до 1928 г.) – раннеиндустриальная. В целом индустриализация рассматривается ими как процесс, а не результат промышленного переворота.

---

⁵ Проскурякова Н. К вопросу о концептуализации экономического развития России XIX – начала XX вв. // Экономическая история. Обозрения. Вып. II. М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 151–158; Красильников В., Гутник В., Кузнецова В. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 25–35; Рязанов В. Экономическое развитие России XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. С. 113–122; Миронов Б. Социальная история России. Т. II. СПб., 1999. С. 291–303.

Исследование данного процесса в настоящее время проводится в двух взаимосвязанных направлениях. Одно направление базируется на изучении сущности процесса, его принципов, структуры и закономерностей (онтологическое направление). Другое направление определяется пониманием индустриализации как эволюционного процесса, обусловленного экономической деятельностью общества, сменой стадий его развития (гносеологическое направление). Современная трактовка, предлагаемая вторым направлением, заключается в том, что индустриализация – результат не промышленного переворота, а эволюции хозяйства, имеющей общие стадии для развитых капиталистических стран и России. Ими являются:

- доиндустриальная стадия: аграрная экономика – традиционное общество;
- протоиндустриальная стадия: переходная экономика – переходное общество;
- раннеиндустриальная стадия: становление «современной экономики» и «современного общества»⁶;
- индустриальная стадия: развитие промышленности и макроструктуры (индустриальное общество);
- позднеиндустриальная стадия: кризис структуры индустриального типа и начало перехода к постиндустриальной экономике;
- постиндустриальная стадия: переход к постиндустриальной экономике⁷.

Согласно взглядам представителей онтологического направления, периоды российской индустриализации имеют как общие, так и специфические черты в сравнении с периодами развития капитализма.

Диссертация посвящена раннеиндустриальной стадии развития, которая охарактеризована нами как «начало индустриализации». По нашему мнению, характерные особенности протоиндустриальной стадии оказывали значительное влияние на процессы раннеиндустриальной стадии. Это проявлялось в живучести

---

⁶ Под «современной экономикой» понимается экономика, развивающаяся «современным экономическим темпом», т.е. темпом, соответствующим или превышающим темпы роста развитых стран периода начала индустриализации (П. Грегори).

⁷ Под постиндустриальной экономикой понимается экономика с такой структурой хозяйства, которая включает в качестве определяющего структурного элемента не промышленность, а услуги: информационные, научные, транзакционные (банковские, страховые, коммуникативные), бытовые.

крепостнического уклада после отмены крепостного права и развитии многоукладного характера российской экономики, в нарастании роли государства в хозяйственных процессах. Роль государства как основного института начала индустриализации отмечалась не только российскими, но и *зарубежными авторами*.

Среди институтов, определивших развитие индустриализации в России, *английские и американские историки-экономисты* выделяют, прежде всего, государство. При всем разнообразии позиций⁸ рассмотрение роли государства в работах этих ученых зависит от того, какого общего направления в исследовании российской индустриализации они придерживаются.

Те ученые, которые являются сторонниками «стадий экономической отсталости», «русского пути», «модернизации» (А. Гершенкрон, О. Крисп, Р. Джонсон, С. Блеквелл), исходят из определяющей роли государства в становлении индустриальной структуры.

Другие исследователи влияние государства на процесс индустриализации в России трактуют в рамках концепции, признающей общность черт развития России и Западной Европы (П. Грегори, А. Каган, П. Гэстрелл, А. Рудольф, Р. Гостанд, М. Фалкус, А. Милворд, С. Сол)*, и подчеркивают «естественность» развития промышленности России.

Заслуга ученых этого направления заключается в том, что они определили проблему соответствия промышленной политики царского правительства интересам индустриализации страны и пришли к выводу о самодержавии как главной причине отставания России (А.Милворд и С. Сол).

Среди ученых, придерживающихся позиции «естественности» промышленного развития России, выделяется П. Грегори, который отрицает тезис А. Гершенкрона⁹ о специфически «русском пути развития». Опираясь на теорию С. Кузнецца, он считает, что «экономический рост и структурные изменения в период 1885–1913 гг. соответствуют определению «современный экономический рост»». Под современным экономическим ростом понимаются рост, достигаемый за счет роли промышленности

---

⁸ Исследование различных позиций английских и американских ученых проводилось в: Поткина И. Индустриализация и развитие дореволюционной России: концепции, проблемы, дискуссии. Институт истории РАН М., 1994.

⁹ Gershenkron A. The Industrial Growth in Russia since 1858 // The Journal of Economic History. 1947. Vol. VII. Supplement. P. 146

*Работы всех авторов, чьи исследования не указаны в автореферате, приводятся в библиографии диссертации.

в производстве национального дохода, и увеличение доли отраслей тяжелой промышленности в индустрии.

П. Грегори опроверг тезис А. Гершенкрона о преимущественном развитии тяжелой промышленности как следствии экономической отсталости. В 70-е годы прошлого века П. Грегори¹⁰ провел расчеты «нормальной структуры» и «нормальной доли тяжелой промышленности в общей чистой продукции» для стадии «современного экономического роста» на основе статистических материалов по ряду стран в аналогичные периоды. Его вывод заключается в том, что вступление России в стадию «современного экономического роста» осуществлялось при структуре промышленности, аналогичной структурам других стран в соответствующий период. Специфика России в том, что она вступила в эту стадию роста с относительно высокой долей сельского хозяйства и низкой долей промышленности. Но в отличие от Японии, Великобритании, Дании, Италии, США, Канады, где наблюдалось такое же соотношение аграрного сектора накануне индустриализации, сокращение доли сельского хозяйства было постепенным.

Спорит с А. Гершенкроном и П. Гэстрелл, который считает, что историю индустриализации нельзя рассматривать как историю становления тяжелой промышленности усилиями государства. Он отмечает высокое развитие текстильной промышленности и расширение рынка ее товаров во второй половине XIX века. Изменения в тяжелой промышленности связаны, по его мнению, с железнодорожным строительством, особенно быстро развивающимся в 70-е, 90-е годы XIX века и в 1910-е годы.

П. Гэстрелл¹¹ обращает внимание на банковскую практику России, в которой выделяет следующие черты независимости от государства:

- 1) все более организованное обеспечение промышленности оборотным капиталом;
- 2) возрастающая роль банков в связи с утверждением практики долгосрочного инвестирования (с начала XX века);
- 3) расширение производства в легкой промышленности за счет инвестирования прибыли.

---

¹⁰ Gregory P.R. Economic Growth and Structural Change in Tsarist Russia: a Case of Modern Growth // Soviet Studies. 1972. Vol. XXIII. No. 3. P. 224–231.

¹¹ Gastrell P. The Tsarist Economy, 1850–1917. London, 1986, P. 108, 110, 140, 195.

П. Гэстрелл, в отличие от А. Гершенкрона, не противопоставляет мелкую промышленность крупной, а рассматривает их как органическое целое. Сохранение мелкомасштабных форм в сельском хозяйстве и промышленности не означает, по его мнению, отсутствие капиталистических отношений, так как кустари связаны с фабрикой.

Сторонница А. Гершенкрона О. Крипп¹² вводит такое понятие, как «автономные силы», в которые включаются частично банковская деятельность и кустарная промышленность. По причине их слабости, согласно О. Крипп, и, исходя из возможных нужд, государство берет на себя задачу экономического развития. В деятельности банков она выделяет, в отличие от А. Гершенкрона, две тенденции:

1) банки являются одним из каналов проведения государственной политики стимулирования индустриализации (в этом Крипп согласна с А. Гершенкроном);

2) участие иностранных капиталов в банковской системе, превращающее ее в ярко выраженную «автономную силу» (в этом она не согласна с А. Гершенкроном).

Исходя из теории преднамеренного неравновесия О. Хиршмана, О. Крипп считает, что экономический рост представляет собой развитие одной отрасли за счет другой. Но подобная ситуация возможна на определенной стадии развития, которой Россия не достигла в конце XIX – начале XX века. Именно поэтому развитая текстильная промышленность России не стала источником развития тяжелой промышленности. Государство в России, по мнению О. Крипп, выступало в качестве «заменителя» естественного перелива капитала. Это явление она рассматривала как уникальное.

Против идеи А. Гершенкрона об увеличении размеров предприятий в начальный период индустриализации, как специфически русском явлении выступает, Дж. Брэдли. На примере Москвы он доказывает параллельное развитие мелкой и крупной промышленности. Такой же позиции придерживается А. Рудольф, считая, что капитализм развивался одновременно в промышленности и в сельском хозяйстве. Корни индустриализации А. Рудольф¹³ видит в неземледельческой деятельности

---

¹² Crisp O. Labour and Industrialization in Russia // The Cambridge Economic History of Europe. 1978. Vol. VII. Pt. 2. P. 323–325.

¹³ Rudolph A. Agriculture Structure and Proto-Industrialization in Russia. Economic Development with Unfree Labor // The Journal of Economic History. 1985. Vol. XLV.IVI. P. 48.

крестьян. Он опровергает тезис Гершенкрона о поздней индустриализации России. А Рудольфа поддерживает Р. Гостанд¹⁴, вводя в исследование динамику товарных бирж и эволюцию их деятельности.

Конкретизируя влияния государства на индустриализацию, П. Грегори рассматривает бюджет России в 1913 г. и приходит к следующему выводу: около 50% расходной части бюджета шло на оборону, более 30% – на административное управление, около 8% – на образование, здравоохранение и культуру и около 12% – на инвестирование промышленности. Следовательно, пишет П. Грегори, вложения в индустриализацию не занимали значительного места в государственном бюджете. Данный вывод П. Грегори не представляется нам убедительным по трем причинам:

- 1) 1913 г. не является характерным;
- 2) затраты на оборону включали инвестирование в военную промышленность и представляли собой капиталовложения в рамках индустриализации;
- 3) финансирование промышленности из бюджета, не составляя его большой доли, было заметным в общей сумме инвестиций государственных и частных.

Если П. Грегори тяготеет к количественным доказательствам ограниченной роли государства в индустриализации, то его оппоненты указывают на качественные стороны правительственной политики. Так, А. Каган считает, что налоговая политика государства была направлена в основном на поддержание существующего строя, а Гэстрелл подчеркивает «контролирующие функции» государства. Т. Оуэн оценивает примеры экономической иррациональности в политике правительства как следствие милитаристско-бюрократического мировоззрения царских чиновников. Но в целом Оуэн считает, что царское правительство было союзником индустриализации, хотя в противоречии с этим выводом утверждает, что оно было не способно на реформы. Оно не смогло создать систему налогов, тарифов, субсидий, поощряющих промышленность, не приняло акционерное законодательство. Вмешательство государственных органов в хозяйственную деятельность капиталистических предприятий имело сугубо бюрократический характер, но все более приобретало буржуазные черты.

---

¹⁴ Gohstand R. The Geography of Trade // The City of Russian History Lexington. 1976. P. 161.

Подводя итоги исследований английских и американских ученых в конце XX века, следует подчеркнуть, что они выступили против тех утверждений О. Крипп, С. Блэквелла, А. Гершенкрона, в которых подчеркивалось своеобразие «русского пути» индустриализации и доказывалось единство социально-экономических процессов России и Запада.

В современной немецкой историко-экономической литературе по институциональным проблемам индустриализации следует особо отметить двух авторов – Х. Шрёдера и К. Гетву¹⁵. Х. Шрёдер, рассматривая индустриализацию периода 1928–1934 гг., приходит к выводу, что она напоминала начальный период индустриализации именно по методам управления.

К. Гетва исследует на примере Иваново протоиндустриальный период развития и приходит к выводу о значительном развитии процесса индустриализации в легкой промышленности, на которую, как он считает, влияние власти было наименьшим.

Изучение работ российских и зарубежных авторов свидетельствует о том, что среди институтов начального периода индустриализации наибольшее внимание они уделяли государству и банкам. Исключение составляет защищенная в 2000г. докторская диссертация Неровни «Историко-методологические проблемы взаимосвязи собственности и индустриализация в российской экономике». В этой работе рассматривается в основном теоретический аспект и практика изменения форм собственности. Но влияние на процесс взаимосвязи государственной политики, форм собственности и культуры остается недостаточно исследованным.

В целом, на основании анализа исследований российских и зарубежных авторов представляются обоснованными следующие выводы:

- начальный этап российской индустриализации привлекал внимание экономистов, принадлежавших к различным течениям экономической мысли, а также представителей других общественных наук;
- подробному рассмотрению подверглись проблемы, связанные с оценкой экономического и культурного потенциала страны на этапе начала индустриализации, типа и стадии развития страны в тот период;
- не был проведен комплексный анализ, позволяющий обосновать механизмы и направления влияния на процесс индустриализации взаимосвязи между государственной политикой, формами собственности и типом культуры.

---

¹⁵ Getva K. Proto-Industrialisierung in Russland. Berlin, 1999.

Отсутствие подобного анализа обусловило объект и предмет исследования.

Объектом диссертационного исследования выступает взаимосвязь между генетическими чертами развития России, государственной политикой, формами собственности и типом культуры.

Предметом диссертационного исследования является влияние подобной взаимосвязи на процесс индустриализации через эволюцию макроэкономической структуры. При изучении предмета и объекта диссертационной работы была поставлена соответствующая цель, из которой вытекают задачи исследования.

Цели и задачи исследования. Цель исследования заключается в обосновании механизмов и направлений влияния на процесс индустриализации взаимосвязи между генетическими чертами развития России, стержневыми институтами (государство, собственность, культура) и целевыми установками, с одной стороны и формированием макроэкономической структуры индустриального типа, с другой стороны. На этой основе, выделяются общие и специфические проблемы России в период перехода к индустриальной макроэкономической структуре

Цель предопределяет такие задачи, как:

- установить взаимосвязь между влиянием на государственную политику индустриализации, как объективных условий развития, так и особенностей аппарата управления;

- выявить механизм влияния культурных и психологических особенностей россиян на индустриализацию;

- конкретизировать роль различных слоев интеллигенции в индустриализации;

- раскрыть методологическую преемственность между планом индустриализации Витте в конце XIX века и первыми социалистическими пятилетними планами XX века;

- показать теоретическую возможность и практическую реализацию различных вариантов индустриализации в России.

Теоретико-методологическая база исследования представлена такими общими методологическими подходами, как формационный, цивилизационный, культурологический, институциональный. Формационный подход использовался для исследования социально-экономического развития России в рамках общемировых закономерностей. Цивилизационный подход применялся для анализа особенностей развития России в начальный период индустриализации.

Культурологический подход позволил исследовать влияние культуры на социально-экономическое развитие.

Институциональный подход использовался для выяснения влияния институтов на социально-экономическую динамику России. В качестве стержневых институтов нами рассматриваются государство, собственность, культура. В основу понятий «институт» и «организация» положена теория Дугласа Норта¹⁶. Согласно его теории, институт – это разработанные людьми формальные (законы, конституции) и неформальные (договоры и добровольно принятые кодексы) правила поведения («игры»), а также методы принуждения, определяющие их взаимодействие. Институциональные особенности развития определяются взаимодействием между институтами и организациями, которые выступают «игроками», устанавливающими цели «игры».

В понятие «организация» входят политические органы и учреждения, экономические структуры, общественные и образовательные учреждения. По определению Норта, «организация – это группа людей, объединенных стремлением сообща достичь какой-либо цели»¹⁷.

Используется также теория Path Dependency (Пол Дэвид и Брайан Артур), название которой переводится в отечественной литературе как «зависимость от предшествующего периода». Ее отличие от «нортовской» новой экономической истории в том, что Норт делает акцент на влияние институтов и транзакционных издержек на прогресс, а в теории зависимости от предшествующего периода основное внимание обращено на инерционность развития. Среди институтов Норт выделяет права собственности, Б. Артур и П. Дэвид – неформальные механизмы выбора. Целью Норта является исследование возможностей институциональных инноваций, Артур и Дэвид пытаются дать ответ на вопрос, почему такие инновации часто невозможны. Взаимосвязь этих теорий помогает исследовать причины выбора тех или иных направлений в политике индустриализации.

Наряду с изложенными общетеоретическими подходами нами использовались такие специальные подходы, как «генетика – телеология» (гетелеология)¹⁸ и типология (определение «идеального типа»).

---

¹⁶ См. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

¹⁷ Там же. С. 20.

¹⁸ Гетелеология – наше сокращение метода «генетика – телеология».

Впервые гетелеологический метод был применен В. Громаном, В. Базаровым, Н. Кондратьевым, Г. Фельдманом как для разработки теории долгосрочного планирования, так и в практике составления генерального плана развития СССР на 1928–1940 гг. Отдельные положения этого плана были использованы при составлении первого и второго пятилетних планов¹⁹. Гетелеологический метод был использован нами в более широком смысле, а именно для определения влияния взаимосвязи между объективными закономерностями социально-экономического развития и государственной политикой на формирование макроэкономической структуры индустриального типа.

Типологический подход применялся в начале XX века в России С. Булгаковым, а в 60-е годы XX века – представителями нового экономического направления. С.Булгаков, опираясь на понятие «идеальный тип» Вебера, определил тип промышленно-капиталистического развития России как «бюрократический»²⁰. Использование гетелеологического и типологического подходов привело нас к определению типа развития России в начале индустриализации как государственно-бюрократического с многоукладной социально-экономической структурой.

На основе применения предложенных подходов была сконструирована логическая модель взаимосвязи между генетическими чертами развития России, стержневыми институтами, телеологическими (целевыми) установками и формированием макроэкономической структуры индустриального типа.

Методический аппарат исследования. Теоретические положения диссертационного исследования и аргументации выводов осуществлялись на основе использования общенаучных методов: диалектического, историко-логического, системного, а также специальных приемов историко-экономического анализа: статистического, сравнительного, табличной интерпретации. Каждый из приведенных методов применялся в качестве основного, дополнительного или проверочного в зависимости от его возможностей для решения тех или иных конкретных задач диссертационного исследования.

Информационная база исследования. В качестве информационной базы исследования были использованы научные и статистические материалы как современников событий (В. Базаров, В. Громан, Н. Кондратьев, В. Ленин, П.

---

¹⁹ См. об этом подробнее: Погребинская В. Разработка методологии генерального плана в конце 20-х – начале 30-х годов. М.: Наука, 1979.

²⁰ Булгаков С. Краткий очерк политической экономии Глава 4 «Типы промышленного капитализма». М.: Астрель, 2006. С. 263–264.

Милюков, М. Туган-Барановский), так и тех, кто рассматривал ее с некоторого временного расстояния, позволяющего увидеть события в ином ракурсе и с дополнительными чертами (А. Анфимов, П. Волобуев, И. Гиндин, М. Гефтер, В. Бовыкин, К. Тарновский, М. Нечкина С. Прокопович, В. Скалон). Особое место в использованных источниках занимает русская коллекция Библиотеки Конгресса США в Вашингтоне: фонд Г. Юдина и коллекция, собранная самой Библиотекой.

Наибольший интерес представляет для нашей темы такой не использовавшийся ранее источник, как газета «Реформа» (1906–1911) (в фонде Юдина хранятся все ее номера). В газете наиболее полно представлены материалы по реформе П. Столыпина, материалам газеты культурные слои крестьянства ждали от реформы поднятия деревни не только в материальном, но и в образовательном смысле.

Другим важным источником для исследования стали доклады и записки высших чиновников Министерства финансов²¹. Эти документы (Записка Ю. Гагемейстера, секретные материалы В. Рейтерна и С. Витте) свидетельствуют о том, что в недрах Министерства финансов были достаточно образованные и нацеленные на прогрессивное развитие чиновники. Но реализация их планов тормозилась отсутствием управленческой команды.

Как источник статистического и фактического материалов нами использовались также работы российского ученого С. Прокоповича (находился в период 20–40-х годов XX века в вынужденной эмиграции автор, опираясь на гетелеологический метод, разделяет все факты экономической истории на два потока: определяемые вечными законами и обусловленные волей людей. Такой подход позволил С. Прокоповичу уже к концу 30-х годов XX века сделать прогноз о будущем освоении целинных и залежных земель. Осуществление прогноза – одно из веских доказательств метода.

В Библиотеке Конгресса хранятся также интересные материалы по «истории повседневности». Например, в книге В.Ю. Скалона «По земским вопросам» (СПб., 1905) раскрываются причины трудностей в реализации земской реформы 60–70-х годов и контрреформ 80–90-х годов XIX века в связи с проблемой противодействия народа и власти. Материалы, раскрывающие подобное противодействие, анализируются на фоне общего уровня культуры и образования народа.

---

²¹ Опубликованы в: Судьбы России. СПб.: Лики России, 1999.

В диссертации используется, анализируется и группируется в зависимости от потребностей темы широкий массив статистических материалов, представленных в работах таких выдающихся ученых и статистиков России, как: Л. Кафенгауз, В. Ленин, И. Янжул, В. Громан, Г. Фельдман, С. Струмилин, А. Вайнштейн. Используются также статистические материалы современных ученых (Б. Миронова, В. Симчеры, Ф. Яковлева).

Концепция диссертационного исследования

Концепция диссертационного исследования заключается в выявлении и теоретическом обосновании институциональных особенностей начала индустриализации России.

Подобные особенности заключались:

- . в особой роли государства в инвестировании в начале индустриализации, имевшей как положительные, так и отрицательные последствия для процесса индустриализации в зависимости от политики взаимодействия между различными секторами экономики;

- . во влиянии разнообразия форм собственности на процесс индустриализации и как ускорителя и как ограничителя в зависимости от краткосрочности и долгосрочности целей индустриализации;

- . во влиянии разнообразия типов культур, связанного с разнообразием национального и конфессионального состава населения России (в основном как ускорителя процесса индустриализации).

Научная новизна. На базе всестороннего обобщения имеющихся статистических, научных и теоретических источников, а также введения в научный оборот новых источников (материалы газеты «Реформа» за 1906–1911 гг., работы по истории повседневности) было проведено комплексное научное исследование институциональных особенностей начального этапа индустриализации России. Новизна исследования заключается в обосновании механизмов и направлений влияния на процесс индустриализации взаимосвязи между генетическими чертами развития России, стержневыми институтами (государство, собственность, культура) и социально-экономической политикой.

Проведенное исследование привело к следующим научным результатам.

1. Разработана логическая модель взаимосвязей между генетическими чертами развития России, стержневыми институтами (государство, собственность, культура) и целевыми установками в социально-экономической политике, с одной стороны, и

формированием макроэкономической структуры индустриального типа – с другой (см. приложение).

Апробирование предложенной модели на историко-экономическом материале периода начала индустриализации позволило выделить проблемы начального периода индустриализации как общие для стран, осуществляющих переход к индустриальной макроэкономической структуре в условиях догоняющего развития, так и специфичные для России.

К общим проблемам относятся:

- соотношение между стабильностью и динамичностью развития;
- особая роль государства в формировании макроэкономической структуры;
- зависимость ускорения развития от структуры внешней торговли.

К специфичным проблемам индустриального развития России относятся:

- Влияние разнообразия природно-климатических и национальных особенностей на формирование социально-экономической многоукладности, которая накладывалась на обычную для переходных периодов технологическую и социальную многоукладность (удвоение многоукладности);

- Потребность сохранения статуса великой державы и имперская идея, диктующие ускоренное развитие военно-промышленного комплекса в условиях бедности капиталами;

- Структура собственности, включающая, наряду с частной и государственной собственностью, общинную и подворную, что предопределяло трудности перерастания мелкотоварного производства в товарное и капиталистическое. Преодоление подобных трудностей, на основе формирования социалистической собственности, включавшей государственную и кооперативно – колхозную, способствовало форсированным темпам роста крупного промышленного производства в период первых пятилеток, которые негативно влияли на потребление населения. Практика первых пятилеток доказала, что по сути управления государственная собственность социалистического периода индустриализации не отличается от дореволюционного периода, т.к. в основе управления находится административная монополия. Что касается кооперативно – колхозной собственности, то ее реализация была бы невозможна без предшествующего многовекового опыта общинной собственности, а подворная собственность исторически способствовала развитию личного подсобного хозяйства и мелкой промышленности. Планирование, как величайшее достижение научной мысли,

практически реализовывалось административными методами, хотя мыслилось как сочетание прямых и косвенных методов регулирования в сочетании с административными мерами.

- Сверхцентрализация и бюрократизация управления, используемые для налаживания связей между различными социально-экономическими укладами вневосточными методами;

- Особая роль параллельной (теневой) экономики как реакция на сверхцентрализацию и преобладание административных методов управления над экономическими;

- Преобладание традиционной культуры над цивилизационной, консервирующее мелкотоварное производство;

- Неграмотность более 2/3 населения, формирующая устную культуру общения и создающая основу для административных методов управления;

- Особая роль интеллигенции в интерпретации народных проблем.

2. Выявлена и конкретизирована связь между влиянием на государственную политику индустриализации, как объективных условий развития, так и особенностей аппарата управления.

Размеры Российской Империи, многоукладность ее хозяйства, низкий уровень грамотности населения, отсутствие профессиональных навыков управления в среднем звене чиновничества предопределили роль централизованного управления и, соответственно, государства в индустриализации. Наряду с положительным влиянием на динамику инвестирования индустриализации, политика государства привела и к определенным ограничениям в переливе капитала.

Роль государства была определяющей в долгосрочных проектах индустриализации, которые не могли принести быструю отдачу средств. Однако недостаточное участие в этих проектах частного капитала диктовалось не только рискованностью проектов, но и взаимоотношениями между частным и государственным капиталом, которые не были юридически регламентированы и создавали основу для внеправовых действий. В этих условиях ограниченность средств инвестирования была не только естественным последствием бедности капиталами в России, но и следствием государственной политики. Подобная политика характеризовалась поддержкой крупного капитала, сросшегося с государством, и грубым администрированием по отношению к мелкому и среднему капиталу. Такое положение тормозило перелив капитала из отраслей быстрой отдачи

средств (отрасли II подразделения, где был достаточно силен мелкий и средний капитал) в отрасли I подразделения. Сложившаяся ситуация сдерживала общий процесс накопления капитала и ограничивала возможности государственного инвестирования вследствие узости финансовой базы, ухода предпринимателей в тень, бедности населения и, соответственно, узости налоговой базы. Существующая налоговая и банковская политика не стимулировала прямых хозяйственных связей между отраслями. Вертикальные связи – через казенные заказы – преобладали над горизонтальными связями – через рынок. Это также тормозило перелив капитала из легкой промышленности в тяжелую промышленность. Соотношение между прямым и косвенным регулированием процесса индустриализации, определялось не столько конкретными потребностями инвестирования и его источниками, сколько особенностями конкретного аппарата управления (образовательного и культурного уровня чиновников, их творческих потенциалов, личностных качеств, системы заинтересованности в результате труда).

Складывался «порочный круг предпосылок». Для долгосрочного инвестирования нужны были государственные средства, их формирование сдерживалось бедностью населения, узостью налоговой базы, компенсированной тяжестью налогов для широких масс населения, сдерживающей политикой государства по отношению к мелкому и среднему бизнесу. Попытки разорвать данный «порочный круг» чередованием периодов поддержки частного капитала и наступлением на него (чередование приватизации и этатизации), предпринимавшиеся и в большинстве развитых стран, в России наткнулись на традиционное бесправие предпринимательства и не могли быть последовательными. Индустриализация, как система целенаправленных действий, ведущая к коренным социально – экономическим изменениям, не могла стать целью ни бюрократического аппарата, ни царствующего клана, т.к. угрожала стабильности власти. Отсюда вытекала непоследовательность в проведении политики индустриализации. С одной стороны, поддерживание статуса Великой державы, соревнование с развитыми странами предопределили необходимость индустриализации как основы развития страны и прочность Империи, с другой стороны, подтачивали стабильность власти, которая все больше теряла социальную опору. Разрешение подобных противоречий в социалистический период индустриализации на основе планирования дало значительные результаты в области создания отраслей тяжелой промышленности и

военно–промышленного комплекса, но осуществлялось за счет потребления населения.

3. Установлен механизм влияния культурных и психологических особенностей россиян на индустриализацию. Такие черты национального характера, как терпение, самоограничение, смирение, способствовали политике ограничения фонда потребления в пользу инвестирования промышленности (особенно в конце 20-х – начале 30-х годов XX века). Но, с другой стороны, ограничение потребления приводило к сдерживанию потребностей и, соответственно, сужению рынка сбыта для промышленности.

Разнообразие культур на территории России, на наш взгляд, положительно влияло на процесс индустриализации. Наряду с бинарной моделью культуры, с ее тяготением к крайностям, пренебрежением к повседневности, в России существовала и тернарная модель. Для тернарной модели характерны заботы о повседневной жизни и стремление ее улучшить как основа жизни. Эта модель способствовала распространению буржуазных настроений в обществе и, соответственно, накоплению капитала и инвестированию промышленности.

Отрицательно на процесс индустриализации влияла неграмотность почти 70% населения России. Прогрессивные изменения в образовании населения в пореформенный период не привели к таким структурным изменениям в образовании, которые способствовали бы индустриализации. Диспропорция между высшим и средним специальным, а также техническим и гуманитарным образованием, приводила к тому, что достижения науки не претворялись в жизнь из-за отсутствия инженерно-технических кадров, полного непонимания значения науки для индустриализации большинством населения. Культурная революция как часть программы форсированной индустриализации в годы первых пятилеток внесла значительный вклад в решение данных проблем, который, однако, обесценивался наступлением на творческую интеллигенцию, ее эмиграцией, репрессиями, требованиями полной политической лояльности к большевикам.

4. Раскрыта роль различных слоев интеллигенции в индустриализации. В конце XIX – начале XX века она была представлена в основном разночинной интеллигенцией, сменившей дворянскую интеллигенцию. Но в среде разночинцев, помимо людей практических профессий – врачей, учителей, ученых, нарастал слой людей, боровшихся за народное счастье с помощью не профессиональных знаний, а политических выступлений. Часто эта часть интеллигенции, не найдя применения в

профессиональной жизни и оказавшись «лишней» и «обиженной», обладая бинарной культурой с ее тяготением к крайности, способствовала дестабилизации общества. Пагубное влияние этого процесса на индустриализацию заключалось в том, что переход к новой структуре хозяйства в качестве основной проблемы выдвигает соотношение между стабильностью и динамичностью экономического развития. Политизированная часть интеллигенции даже не ставила такой цели - поддержание баланса между стабильностью и динамичностью. Ее идеалом были быстрые, революционные изменения, которые в практике индустриализации приводили к отрицательным последствиям, смене периода индустриализации периодом деиндустриализации.

Политизированной части интеллигенции не смогла противостоять профессиональная часть интеллигенции, в том числе ученые. Они не смогли повлиять на принятие реальных целей социально-экономического развития, хотя разработали их теоретически (имеются в виду, прежде всего дискуссии о темпах экономического развития СССР в конце 20-х годов XX века).

5. Показана методологическая преемственность между планом индустриализации Витте в конце XIX в. и первыми пятилетними планами XX века. Она заключалась:

- в принципе выделения основного звена (в конце XIX века в качестве основного звена было избрано железнодорожное строительство, в годы первых пятилеток – инвестиционные отрасли: металлургия, машиностроение, производственное строительство);

- в перекачивании средств из сельского хозяйства в промышленность с помощью «ножниц цен»;

- в особой роли государства в централизации средств для индустриализации;

- в этапе, предшествующем форсированной индустриализации (в последней трети XIX века проходил процесс индустриализации в текстильной промышленности, в годы нэпа, предшествовавшего первой пятилетке, – преимущественное развитие отраслей группы «Б»).

Отличительные черты первых пятилеток заключались в создании единой социалистической собственности в двух видах: государственной и кооперативно-колхозной; в планировании индустриализации; в запрещении частного капитала; в ориентации на собственные ресурсы (привлечь иностранный капитал для

социалистической индустриализации в сложившихся условиях было невозможно); в сверхцентрализации ресурсов.

6. Подтверждена теоретическая возможность и установлена практическая реализация (частично) различных вариантов социалистической индустриализации. В наиболее общем виде их было два, а с учетом сочетания по различным периодам – три.

Первый вариант: ориентация на быстрое развитие промышленности; преимущественное развитие инвестиционных отраслей; выкачивание средств из сельского хозяйства; преимущественный экспорт хлеба и импорт машин; создание финансовой системы, нацеленной на максимальное изъятие средств у населения с помощью косвенных налогов.

Второй вариант: ориентация на подъем сельского хозяйства и его структурная перестройка; естественный перелив средств из сельского хозяйства в промышленность; создание производств, обеспечивающих сельское хозяйство техникой и отраслей, работающих на потребление населения; накопление средств для индустриализации за счет более быстрой отдачи средств в отраслях II подразделения в сравнении с I подразделением.

Третий вариант, получивший название ступенчатой оптимизации (А.И. Ноткин): когда на первом этапе максимизируется развитие отраслей, обеспечивающих инвестирование (накопление), а на втором этапе – развитие отраслей, обеспечивающих рост потребления населения.

В выборе первого варианта в годы первой пятилетки (1928–1932) сыграла определяющую роль цель – догнать передовые страны. (Возвращение к догоняющей модели развития, впервые предложенной Петром 1). Практическая реализация этого варианта показала невозможность его воплощения в чистом виде. Голод 1931–1933 гг. свидетельствовал о том, что максимизация инвестирования имеет объективные границы, связанные с потреблением населения. В этой связи во второй пятилетке были предприняты меры, реализованные не полностью, по переориентации на преимущественное инвестирование отраслей II подразделения. По нашему мнению, альтернативный вариант первой пятилетки, предложенный В. Базаровым, Н. Кондратьевым, В. Громаном, В. Чаяновым, П. Осадчим, был частично реализован во вторую пятилетку. Имеются в виду:

- запланированный преимущественный рост отраслей группы «Б» в промышленности (выполнен лишь в 1934 г.);

- разрешение ЛПХ и колхозного рынка;
- поощрение местной промышленности, нацеленной на рост II подразделения.

В целом, практика формирования индустриальной макроэкономической структуры показала, на наш взгляд, что зависимость оптимизации соотношения между фондом инвестирования и фондом потребления от низкого исходного уровня развития можно ослабить через регулирование соотношения между государственным и частным сектором, вне зависимости от того представлен последний легальными методами, или в параллельной экономике. Регулирование подобного соотношения возможно лишь в условиях развитого хозяйственного права.

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что исследование институциональных особенностей начального периода индустриализации позволяет построить логическую модель взаимосвязи между: генетическими чертами развития России, стержневыми институтами и целевыми (телеологическими) установками государства, с одной стороны, и макроэкономической структурой – с другой. Конкретные черты подобной взаимосвязи рассматриваются на примере периода формирования макроэкономической структуры индустриального типа. Общее между этим периодом и современностью заключается в том, что и тогда и сейчас происходили коренные изменения в институциональной структуре. Их влияние на макроэкономическую структуру зависит от того, насколько в социально-экономической политике учитываются генетические черты развития России.

Практическая значимость работы связана с использованием предложенной логической модели в определении границ государственного регулирования для решения таких конкретных проблем современности, возникших в начальный период индустриализации, как:

- формирование оптимального соотношения между государственным и частным инвестированием;
- определение границ государственного регулирования с учетом социально-экономического и культурного разнообразия России;
- анализ институциональных ограничителей социально-экономических преобразований с учетом, в ходе их реализации, задачи сохранения стабильности в ее взаимосвязи с динамичностью развития.

Выделение в историческом опыте взаимосвязи между экономической динамикой и макроэкономической структурой, с одной стороны, и социально-

политическими и культурными институтами – с другой, актуально в связи с тем, что игнорирование этой взаимосвязи стало одной из причин катастрофических результатов при переходе к рыночной экономике в 1991–2000 гг.

Возможность смягчения негативных последствий подобного перехода определяется пониманием институциональных особенностей России, которые стали проявляться именно в начальный период индустриализации в связи с нарастающим влиянием на экономическую динамику неэкономических факторов.

Апробация результатов исследования

1. Основные положения используются в учебном процессе в МГУ им. М.В. Ломоносова при преподавании следующих учебных курсов для бакалавров – «Экономическая история», «История финансов России», для магистров – в преподавании спецкурсов «Социально-экономические проблемы России второй половины XIX – начала XX века» (опубликован в рамках Инновационного проекта Министерства образования РФ, финансируемого Всемирным банком); «Эволюция хозяйственного развития России в XVII – начале XIX века»; «Экономические реформы России и Зарубежья XVIII–XX вв. (сравнительный анализ)»; «Эволюция социально-экономической структуры России в последней трети XIX – первой трети XX века» (опубликован).

В учебном процессе используются опубликованные учебные пособия:

- В.А. Погребинская История экономики: Учебное пособие. Волгоград: Политех. МВО России, 1999 (соавторы Л.Шаховская, Л. Синицина) (8/4 п. л.).

- В.А. Погребинская История экономических учений: Учебное пособие. Волгоград: Политех. МВО России, 2002 (соавторы Л. Шаховская, Л. Синицина) (8/3,5 п. л.).

- В.А. Погребинская Социально-экономические проблемы России второй половины XIX – начала XX века. М.: ИНФРА-М, 2005 (14 п. л.). Учебное пособие.

2. Методологические и научные положения и рекомендации, созданные в процессе исследования, были апробированы в виде докладов и выступлений на международных конференциях и семинарах, заседаниях проблемных групп:

«Организация промышленных объединений России в конце XIX – начале XX века». Доклад на III международной научной конференции «Индустриальное наследие», проходившей 28 июня – 1 июля 2007 г. в Выксе. Опубликовано в: Индустриальное наследие. Материалы III международной научной конференции. Саранск: Издательский центр МГУ им. Н.П. Огарева, 2007. С. 276–284 (0,5 п. л.).

«Институциональные ограничители экономического роста России (сравнительный анализ конца XIX – начала XX века и конца XX – начала XXI века)». Доклад на Международной научной конференции «Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века», проходившей 24–25 ноября 2004 г. в Москве. Опубликовано в материалах конференции «Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века». М.: Издательство МГУ, 2006. С. 350–358 (0,5 п. л.).

«История проблемы стабильности и динамичности социально-экономического развития России». Доклад на международном симпозиуме «Эволюционная экономика: Проблемы и противоречия теории и практики», состоявшемся 4–6 июня 2000 г. в г. Пущино. Опубликовано в материалах конференции «Эволюционная экономика: проблемы и противоречия теории и практики». М.: РАН, 2001. С. 274–295 (1 п. л.).

«Новое экономическое направление (методы исследования российского типа экономики)». Доклад на международном симпозиуме «Эволюционная экономика и «Мэйнстрим»» в г. Пущино 29 мая – 1 июня 1998 г. Опубликовано в: Эволюционная экономика и «Мэйнстрим». М.: Наука, 2000. С. 178–188 (0,5 п. л.).

«Понятие «генетика» в российской общественной мысли». Выступление на международном симпозиуме «Эволюционный подход и проблемы переходной экономики» в г. Пущино 12–15 сентября 1994 г. Опубликовано в материалах симпозиума «Эволюционный подход и проблемы переходной экономики». М.: РАН, 1995. С. 94–102 (0,5 п. л.).

Выступление на круглом столе «Экономический рост России», посвященное презентации книги «Экономическая история СССР. Очерки» 6 июня 2007 г. Каминный зал Вольного экономического общества. Опубликовано в: Труды Вольного экономического общества. Том восемьдесят пятый. М., 2007. С. 44–45.

Выступление на заседании проблемной группы экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова «Воспроизводство и национальный экономический рост». Опубликовано в изложении в: Философия хозяйства (Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова). 2008. № 1 (55). Обзор И. Тенякова и З.Корчагиной «К вопросу об этапах социально-экономического развития России». С. 267–269

Публикация результатов исследования. Основное содержание диссертации и результаты исследований изложены в 32 публикациях автора общим объемом 75 п.л.

(в том числе трех индивидуальных и трех коллективных монографиях), девяти статьях в ведущих рецензируемых научных журналах, перечень которых утвержден Высшей аттестационной комиссией («Вопросы экономики», «Предпринимательство», «Российское предпринимательство», «Вестник МГУ». Серия 6 «Экономика», «Вестник МГУ». Серия «История», «Экономика и управление»), тезисах докладов на научных международных конференциях и симпозиумах.

Структура диссертации

Введение.

Глава I. Генетические черты развития и экономический потенциал России к началу индустриализации.

1.1. Общая характеристика территории, населения, природных ресурсов и национального богатства.

1.2. Климат и возделывание земли.

1.3. Структура народнохозяйственной энергии.

1.4. Демографическая, социальная и национальная структура населения

1.5. Трудовая этика.

1.6. Образование, просвещение, научные достижения.

1.7. Культурные традиции и интеллигенция.

1.8. Выводы.

Глава II. Основные проблемы начала индустриализации и государственная политика Российской империи.

2.1. Проблемы раннеиндустриальной стадии развития России

2.2. Влияние реформ 60–70-х годов и контрреформ 80-х годов на экономическую динамику конца XIX века.

2.3. Влияние политических изменений и реформы Столыпина на подъем 1909–1913 гг.

2.4. Политика индустриализации.

2.5. Организация промышленности.

2.6. Государственный сектор.

2.7. Монополизация банковской системы и формирование финансового капитала.

2.8. Выводы

Глава III. Эволюция структуры и темпы экономического роста России в конце XIX – начале XX века.

3.1. Внешние и внутренние факторы социально-экономической структуры России.

3.2. Темпы экономического роста и уровень развития России.

3.3. Железнодорожное строительство.

3.4. Отечественное машиностроение на рубеже XIX–XX веков.

3.5. Структура рабочей силы.

3.6. Структура народного дохода.

3.7. Структура промышленности и финансов.

3.8. Формирование макроструктуры.

3.9. Выводы.

Глава IV. Макроэкономические изменения в период деиндустриализации.

4.1. Основные макроэкономические изменения в период войны, революции и нэпа.

4.2. Изменения в социальной структуре населения.

4.3. Эволюция многоукладности экономики в 1910–1930-х годах.

4.4. Судьба частного капитала в 1917–1927 гг.

4.5. Теневая экономика в период нэпа и неонэпа.

4.6. Разработка альтернативного варианта и дискуссии по «генетике – телеологии».

4.7. Административная монополия.

4.8. Выводы.

Заключение.

Список использованной литературы.

Приложение.

11. Основные положения диссертации.

1. Проблемы начального этапа индустриализации.

Потребность в индустриализации, связанная с ростом населения, нуждами обороны, укреплением положения России на мировой арене, могла быть реализована при определенной социально-экономической политике. Успешность подобной политики зависела от сочетания в ней нацеленности на значительные изменения макроэкономической структуры с сохранением социально-политической стабильности. В связи с этим возникла проблема увязки между генетическими

чертами развития России и целевыми установками в социально-экономической политике, с одной стороны, и формированием макроэкономической структуры индустриального типа – с другой.

Влияние генетических черт развития России на процесс индустриализации в конце XIX – XX века было разнохарактерным. С одной стороны, огромная территория страны, разнообразие природно-климатических условий, богатство недр создавали основу для индустриализации. Громадная территория смягчала и аграрные проблемы, позволяя наращивать экспорт хлеба и за этот счет средства бюджета, направляемые в промышленность. С другой стороны, возможности экстенсивного развития сельского хозяйства тормозили интенсификацию аграрного сектора, которая создает основу рынка труда для промышленности.

Обширность территорий удорожала торговые связи между отдельными районами, замедляла внутренний товарооборот как источник накопления для промышленного производства. Основным источником накопления капитала выступала внешняя торговля, прежде всего хлебом. Россия попала в «хлебную ловушку». Для выхода из нее необходима была индустриализация. Индустриализация в полной мере могла осуществиться только в условиях интенсификации сельского хозяйства, которая крайне затруднялась текущей потребностью в экстенсивном наращивании экспорта хлеба. Возможности экстенсивного развития Российской империи предопределяли смягчение аграрной проблемы России до середины XIX века и отсутствие аграрного переворота, предшествующего индустриализации в других странах. Но, с другой стороны, сохранение традиционных укладов жизни в сельском хозяйстве, живучесть мелкотоварного уклада тормозили формирование механизма воспроизводства капитала, и суживало отечественную инвестиционную базу. В этих условиях нарастала роль государства в инвестировании индустриализации. Возможности государства в этой области ограничивались крайней бедностью населения, налоги с которого наряду с прибылью государственных предприятий, становятся источником финансирования индустриализации. Что касается концентрации богатства в руках частных владельцев, то по данным ученого Вариньи, приведенным в работе Янжула, в конце XIX века в мире было 700 миллионеров, т.е. лиц владеющих более, чем миллионом фунтов стерлингов или 10 млн. рублей. В Англии таких миллионеров было 200 человек, в США -100, в Германии и Австрии – 100, во Франции – 75, в России – 50. Таким образом, в России было значительно меньше богатых людей, чем в других развитых странах.

Структура государственного финансирования находилась в значительной зависимости от потребностей армии. Большая чем в других странах протяженность границ влияла на структуру финансов в направлении роста доли затрат на армию и, соответственно, уменьшала возможности государственного инвестирования индустриализации. Но, с другой стороны, потребности перевооружения армии, необходимость доставки средств в отдаленные части страны, стимулировали развитие железнодорожного строительства и промышленности в целом.

Плохая изученность природных ресурсов России в начальный период индустриализации приводила к использованию сырьевых месторождений дорогой добычи, что способствовало росту цен. Доступные в Восточноевропейской равнине бурый и каменный уголь были малокалорийны, что требовало компенсации качества количеством. Инвестирование сырьевых отраслей привело к росту темпов индустриального развития, но не привело к переходу к новым технологическим укладам. Страны Западной Европы и США в начале XX века переходили к использованию электродвигателей в промышленности, российская же индустрия в основном ориентировалась на паровые машины, проигрывая странам-лидерам в освоении нового электротехнического уклада, что тормозило процесс индустриализации.

Многоукладность России в технико-экономическом и социально-культурном смысле предопределили разнообразие целей развития, что усиливало роль государства в сбалансировании интересов различных социально-экономических групп населения в индустриализации.

Государство играло определяющую роль в инвестировании индустриализации. Но зависимость промышленной буржуазии от государства в этих условиях тормозила процесс развития частной инициативы и, соответственно, отрицательно влияла на формирование конкурентной среды, необходимой для наращивания капиталов и инвестирования промышленности.

Разнонаправленное влияние генетических особенностей России на индустриализацию, ярко выраженная социально-экономическая многоукладность обостряли проблемы формирования индустриальной структуры хозяйства и предопределяли роль государственной политики в ее становлении.

2. Государственная политика и цели индустриализации России.

Целевые установки Российской империи, определяемые статусом великой державы, потребовали в последней трети XIX века значительных социально-экономических изменений. Основная проблема заключалась в необходимости сочетания динамичности и стабильности развития. Политика индустриализации, обеспечивая динамичность развития и его стабильность в долгосрочной перспективе, подрывала стабильность текущего развития. Нестабильность текущего развития затрагивала интересы значительных слоев российского общества. Реализация политики индустриализации зависела не только от общих целевых установок Российской империи, формулируемых учеными, интеллигенцией, высшей бюрократией, но и от умения воплощать данные установки с учетом дифференциации интересов российского общества. В долгосрочной перспективе все слои общества могли выиграть от индустриализации. В текущем периоде от политики индустриализации проигрывали дворянство и большая часть крестьянства, которая болезненно переносила коренную ломку сложившихся традиций, а также чиновничество дворянского происхождения.

Буржуазные слои общества, заинтересованные в индустриализации и набиравшие экономическую силу, к началу XX века все же уступали по накопленному капиталу, если включить в него землю, дворянам-землевладельцам. Стоимость земель, находившихся в руках дворян, в 50 губерниях Европейской России по средним продажным ценам 1900–1902 гг. составляла в 1905 г. 4,4 млрд. руб., а общая масса акционерных капиталов – 2,5 млрд. руб., т.е. была в 1,6 раза меньше²². Среди имущих верхов (с годовым доходом более 10–20 тыс. руб. в 1905 г.) доля дворянства составляла, по разным оценкам, от 15 до 33%, при доле в численности населения 1.5%²³. Дворянство было сильно также своими сословными организациями, политическими позициями в высшем эшелоне власти, в земстве и уездном управлении. Оно было самым образованным и опытным в политической власти сословием. Однако сила дворянства падала с потерей земли, которая в период 1862–1914 гг. в Европейской России уменьшилась более чем на 60%²⁴. Значение дворянства уменьшалось также благодаря росту его задолженности государству и политике самоизоляции, вызванной его резко антибуржуазными настроениями.

---

²²Рассчитано по: Отечество. Опыт политической истории. Т. 1. М.: Терра–Терра, 1991. С. 201.

²³ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. II. С. 221.

²⁴Там же.

Процесс «обуржуазивания» дворянства проходил наряду с процессом «оземеливания» буржуазии. Покупка земли буржуазией осуществлялась как для строительства предприятий, так и для ведения сельского хозяйства. Как новые владельцы земли, буржуазные слои были заинтересованы в поддержке существующей власти. В целом опора самодержавия на дворянство объяснялась тем, что оно символизировало стабильность общества и власти.

Целевые установки буржуазии в осуществлении индустриализации также были неоднородны. Крупная буржуазия, путь которой к собственности лежал через власть (феномен «власть-собственность»), представляла собой так называемую «октябристскую» буржуазию (термин Ленина), т.е. крупных собственников, накопивших капиталы благодаря должностям в высших государственных органах. Из этой части буржуазии выростала банковская и финансовая олигархия, проводившая политику в интересах банков, не всегда совпадавших с интересами промышленности. Что касается мелкой и средней буржуазии, то она в проведении промышленной политики остро нуждалась в законах, регулирующих хозяйственную практику.

Не находя поддержки правительства, эта часть буржуазии часто уходила в «теневую экономику». Тормозом в принятии законов выступала та часть государственного аппарата, которая боялась коренных изменений в управлении, и в этом ее позиция совпадала с настроением императора.

Практически Николай II управлял, опираясь на феодальный клан царствующего дома Романовых, который был вершиной бюрократической пирамиды. Необходимо отметить, что российская бюрократия отличалась от западной (кроме Англии и Швеции) своим историческим происхождением. На Западе бюрократия формировалась из среднего класса, заключавшего союз с королевской властью против провинциальной аристократии. Это способствовало соединению раздробленной верховной власти. В России бюрократия была представлена изначально дворянством, которое было служивым сословием (формально до 1785 г.), зависимым от власти. Хотя с середины XIX века нарастал процесс формирования чиновничества из недворян за счет духовенства и нижних воинских чинов,²⁵ дух служения власти, которая неправомерно отождествлялась с государством и народом, оставался неизменным.

---

²⁵Б.Н. Миронов «Социальная история России», т. 1, стр. 134.

Индустриализация как система целенаправленных действий, ведущая к коренным социально-экономическим изменениям, не могла стать целью ни бюрократического аппарата, ни царствующего клана, так как угрожала стабильности власти. Отсюда вытекала непоследовательность в проведении политики индустриализации. С одной стороны, поддержание статуса великой державы, соревнование с развитыми странами предопределили необходимость индустриализации как основы развития страны и прочности империи, с другой стороны, это подтачивало стабильность власти, которая все больше теряла социальную опору.

Реформаторская политика государства (реформы 60-х -70 -х. годов, реформа Витте, реформа Столыпина) способствовали индустриализации, но обладали рядом институциональных особенностей, сдерживающих ее последовательность и неуклонность. К таким особенностям относятся:

- проведение реформ с учетом наибольшей защиты интересов дворянства в ущерб крестьянству и мелкой буржуазии города и деревни;

- проведение реформ «сверху», без достаточного учета народной реакции;

- отсутствие «команды» у реформаторов, поэтому реформы действуют только при их жизни.

- отсутствие единой направленности в действиях нарождающейся буржуазии.

- стремление к централизации и, одновременно, невозможность ее реализации в такой громадной стране как Российская Империя, что порождало особые условия функционирования параллельной экономики.

Специфика параллельной экономики России заключалась в том, что она отражала противостояние демократического капитализма монополистическому и государственному капитализму. Под демократическим капитализмом понимается мелкое частное предпринимательство, основанное на трудовом накоплении капитала. Его социальная база - крестьяне, мелкие торговцы, бывшие наемные работники, отпочковавшиеся от фабрики и открывшие свое производство. Параллельная экономика России в значительной мере включала демократический капитализм и работала на удовлетворение нормальных потребностей населения, которые не могли быть удовлетворены высоко централизованной и монополизированной экономикой.

Хозяйственное право в части организации промышленности отражало значительное запаздывание правового обеспечения индустриализации. Попытки создания синдикатского законодательства, относящиеся к 1909-1914гг. не привели к

созданию правовой базы предпринимательства. Что же касается антимонопольного законодательства, то его специфичность заключалась в том, что оно входило в статьи уголовного законодательства, и по смыслу статьи 242 Уголовного уложения 1903г. , монополии были лишены формального права на существование. Средние и мелкие предприниматели были бессильны вести борьбу с монополиями экономическими средствами. Попытки прибегнуть к посредничеству правительства в основном кончались неудачами. Правительство как арбитр либо бездействовало, либо действовало «незаконными» путями. Коррупция в верхних эшелонах власти была как следствием отсутствия хозяйственного права России, так и его причиной, т.к. делала «невыгодным» существование четких правил, лишавших чиновничество «оплачиваемого» произвола.

Роль государства в формировании финансового капитала заключалась в замещении функций современного для того времени институтов этого капитала и обеспечении условий привлечения иностранного капитала. Политика государства привела к значительному ускорению процесса формирования финансового капитала, но, другой стороны, подобное ускорение подтачивало устойчивость развития. Возможности государства в этой области ограничивались крайней бедностью населения, налоги с которого наряду с прибылью государственных предприятий, становятся источником финансирования индустриализации. Поэтому привлечение иностранного капитала стало одним из условий динамичности процесса индустриализации.

Ускоряющее влияние иностранного капитала на процесс индустриализации сочеталось с долговыми обязательствами России в связи с его привлечением. Выплаты долговых обязательств, соответственно, сдерживали развитие собственной инвестиционной базы. Но значение привлечения иностранного капитала шире, чем количественное сравнение эффекта от иностранного капитала и долгов по его оплате. Роль иностранного капитала заключалась и в обучении отечественного капитала (новые технологии, организация труда, социальная политика иностранных предпринимателей), который сформировался в России к Первой мировой войне.

В целом, необходимая в условиях России мера централизации управления процессом индустриализации не могла быть осуществлена в силу институциональных причин. Оптимальная мера централизации управления достигается в условиях способности общества к согласованию различных социальных интересов. В условиях Российской Империи (громадность территории, разноукладность хозяйства,

имперская форма власти) подобную оптимальность могла обеспечить лишь власть, но она оказалась неподготовленной к политике балансирования интересов. В силу этого формировалась этакратическая (бюрократическая) система управления, опирающаяся не на закон, а на администрирование. Революция 1905 года не привела к коренным изменениям, в силу, как объективных причин (нарастание задач военного и охранительного свойства, требующих централизации), так и субъективных причин.

3. Влияние культурных и психологических особенностей россиян на процесс индустриализации.

Основной чертой культурного и психологического типа россиян было их разнообразие, связанное с многообразием национального и конфессионального состава населения Российской империи. Все разнообразие существующих культурных и ментальных черт ученые культурологи сводят к двум моделям: бинарной и тернарной. В нашем исследовании подобное разделение важно в связи с влиянием данных моделей на формирование целей индустриализации и темпы их реализации. Для бинарной модели характерно выделение двух полюсов, деление всех явлений на положительное и отрицательное, на греховное и святое, на национальное и искусственно привнесенное.²⁶ Выделение двух полюсов как основного организатора структуры неизбежно приводит к специфическому типу динамики. Этот тип складывается не только как борьба между полюсом зла и полюсом добра. Он может реализоваться через предельную степень зла. Если зло может осознаваться как переломный момент, момент необходимый, то «высокое романтическое зло» приобретает дополнительную оправданность. Мир зла ближе к миру добра, чем мир пошлости²⁷» (все среднее есть пошлость). Бинарная модель в начальный период социалистической индустриализации способствовала оправданию народных жертв в ее реализации.

Противоположное бинарному направлению культуры – тернарное, исходит из того, что мир зла и мир добра не имеют однозначной моральной оценки и характеризуются признаками существования. Мир жизни расположен между добром и злом. «Этот мир может оцениваться как мир пошлости, и тогда зло будет принимать облик своего обычного, каждодневного проявления, но он может оцениваться и как мир естественного человеческого существования, мир, который оправдан не добром и

---

²⁶Ю.М. Лотман О русской литературе классического периода «Из истории русской культуры», т. V, XIX век, М., 1996, стр. 432.

²⁷Ю.М. Лотман О русской литературе классического периода «Из истории русской культуры», т. V, XIX век, М., 1996, стр. 434.

не злом, не талантом, и не преступлением, не высокой нравственностью и не низкой безнравственностью, а просто своим бытием».²⁸

Тернарное направление в отличие от бинарного построено на движении мысли не от модели в к реальности, а от реальности к модели. Происхождение русских тернарных моделей противоречиво: на общую христианскую бинарность накладывается народное представление языческого типа, оправдывающее материальную действительность, мир жизни.

Бинарное и тернарное направление образуют единое целое и, одновременно, их столкновение создает необходимое внутреннее разнообразие культуры, обеспечивающее динамику системы как таковой. При этом можно говорить о преобладание того. или иного направления в культуре. В России в начальный период индустриализации преобладала бинарное направление.

Влияние разнообразия культур на начало процесса индустриализации осуществлялось через отношение населения к ценностям буржуазного мира и трудовую этику.

В России конца XIX начала XX века отношение населения к ценностям буржуазного мира зависело от возрастной и социальной структуры населения, но в целом новая буржуазная система ценностей еще не успела сколько-нибудь глубоко проникнуть в массовое сознание. Более широко, но все же весьма незначительно, она охватила низшие слои горожан и укоренялась среди сельской молодежи.

Перспективы развития буржуазного менталитета в России во многом зависели от идеалов молодежи конца XIX – начала XX века. Проведенное российскими педагогами совместно с Московским Педагогическим музеем в начале XX века анкетирование молодежи показало значительные отличия в среде городской и сельской молодежи. В ранжировании ценностей материальный успех учащиеся городских училищ в большинстве поставила на последнее 18-ое место, и только 6 % опрошенных на 1 и 2 места. В сельских школах – 10 % опрошенных поставили материальный успех на 1 и 2 места. Аналогичный опрос в Германии показал, что для 20 % школьников при выборе идеала главное материальный успех, для 25 % - высокие моральные качества.²⁹

Все слои общества в пореформенный период испытывали влияние буржуазной морали, но пытались приспособить ее к российским условиям.

---

²⁸Там же, стр. 435.

²⁹ Б.Н. Миронов «Социальная история России» Т.2. СПб, 1999. Стр. 325

Многие представители буржуазии, в особенности это относится к старообрядцам–предпринимателям, смотрели на богатство не как на источник наживы, а как на миссию данную богом. В мемуарах В.П. Рябушинского постоянно звучат две мысли «богатство обязывает» (*Riches oblige*), «не о хлебе едином жив будет человек». Причиной такого отношения к богатству сам В.П. Рябушинский считал христианскую веру и крестьянское происхождение русской буржуазии. В связи с этим, по нашему мнению, следует подчеркнуть различные подходы к богатству в среде самой буржуазии, которая была неоднородной. Та ее часть, о которой говорит В.П. Рябушинский, мы называли ее условно демократической, действительно по результатам многих исследований обладала сознанием особой миссии богатства. Возможно, это было связано с трудовым происхождением богатства у этой части буржуазии. Другая же часть буржуазии, которую можно условно назвать «этакратической», т.е. выросшей из государственного чиновничества была не столько нацелена на буржуазные ценности, сколько на специфически российские пути обогащения, связанные со слабым развитием правовых отношений.

Что касается трудовой этики, то из двух ее идеальных типов: потребительского или иначе традиционно-минималистского и буржуазно-максималистского в России преобладал первый. Данный тип трудовой морали опирается на удовлетворение традиционных, скромных потребностей семьи. Накопление средств не является задачей этого типа. Второй тип ориентирует человека на максимизацию результата, или прибыли. Преобладание первого типа, с одной стороны, способствовало индустриализации за счет возможностей ограничения фонда потребления в пользу инвестирования, но, с другой стороны, сдерживало развитие широкого потребительского рынка, как долгосрочного стимула индустриализации. В эволюции различных типов культуры и трудовой этики значительную роль играло образование. Прогрессивные изменения в образовании населения в пореформенный период не привели к таким структурным изменениям в образовании, которые способствовали бы индустриализации. Диспропорция между высшим и средне–специальным образованием, а также техническим и гуманитарным, приводила к тому, что достижения науки не претворялись в жизнь из–за отсутствия инженерно–технических кадров и полного непонимания значения науки для индустриализации большинством населения.

Влияние образования населения на развитие промышленности объясняется, прежде всего, необходимостью определенного уровня знаний граждан страны для

внедрения технических нововведений. Начало процесса индустриализации делает эту необходимость очевидной. Начиная с Петра I, российские императоры пытались соединить крепостной строй с образованием народа. Но образование ведет к просвещению и просвещенности, т.е. умению формировать и высказывать свое мнение. Естественно, защитники существующего социально–политического строя не хотели создавать просвещенных, культурных людей, которые неизбежно рвутся к свободе. С другой стороны, образованные, просвещенные люди не хотели жить в условиях деспотизма, и расшатывали крепостнический строй. Эти противоречия существовали и в XIX веке, хотя после отмены крепостного права образование населения расширялось.

Российская интеллигенция во второй половине XIX– начале XX века боролась за образование народа. Основным идеологическим препятствием на этом пути был страх власти перед просвещенными людьми. С другой стороны, осуществление государственной программы преобразований экономики России было невозможно в условиях безграмотности населения. Связь между уровнем грамотности и уровнем промышленного развития наглядно видна по соотношению грамотности различных регионов европейской России. Наибольшая грамотность совпадает с наивысшим развитием промышленности. Так, свыше 75% грамотных обоого пола наблюдалось в Финляндии и Прибалтике, в Петербургской губернии–50–60%, в Московской–40–50%.³⁰

Культурная революция, как часть плана социалистической индустриализации, стала одним из определяющих факторов форсированного роста российской промышленности, но ее значение было принижено репрессиями против лучших людей российской науки.

4. Роль интеллигенции в индустриализации.

В конце XIX века нарастала роль интеллигенции в формировании идеологии и, соответственно, формировании целей развития общества и государства. Влияние интеллигенции на идеологию осуществлялось через преподавательскую деятельность, науку, литературу. Данные всероссийской переписи населения 1897 г. содержат сведения об участии интеллигенции в общественно-культурной жизни в конце XIX века. Из 126 млн. населения России педагогическим трудом занимались свыше 170 тыс. человек, библиотечным делом – 1 тыс., книжной торговлей – более 5 тыс.

---

³⁰ «Из истории русской культуры», т. V (XIX век). М., «Языки русской культуры», 1996 г. с. 318.

человек. В России работало около 18 тыс. художников и артистов, 3 тыс. ученых и литераторов.³¹

В конце XIX века интеллигенция по отношению к самодеятельному населению России составляла 2,7% или 725 тыс. человек³². По отношению ко всему населению России интеллигенция составляла менее 0,4%. Материальное положение интеллигенции было значительно выше квалифицированных рабочих. Врачи, инженеры, служащие высокой квалификации получали в 20 раз больше рабочих.

Что касается социального происхождения интеллигенции, то к пореформенной эпохе дворянскую интеллигенцию сменила разночинная, которую Писарев определил как «мыслящий пролетариат». По своему положению они отличались от мастеровых, чернорабочих, городской бедноты только одним – образованием. От своих университетских сверстников, делавших карьеры в министерствах, они отличались выбором пути свободного интеллектуального труда. Разночинная интеллигенция в конце XIX–начале XX века встала во главе российской общественной мысли. Наряду с положительным влиянием на развитие русской науки, литературы, искусства, разночинная интеллигенция несла в себе такой заряд нигилизма, который часто противоречил прогрессивности развития. Переход к индустриальной структуре с неизбежными социальными противоречиями мог быть смягчен постоянной заботой «мыслящего пролетариата» о соблюдении в обществе баланса между стабильностью и динамичностью развития. Но разночинная интеллигенция не была нацелена на решение этой проблемы.

Наряду с делением российской интеллигенции по признаку социального происхождения, для понимания ее влияния на формирование и реализацию целей индустриализации, важны и другие критерии. По мнению российских философов и экономистов авторов известного сборника «Вехи» (Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк, А. Изгоев, П. Струве) к началу XX века интеллигенция России переживала кризис, которой и был одной из причин поражения революции 1905 года. События начала XX века разделили интеллигенцию на интеллигенцию в широком, общенациональном смысле слова и «кружковую интеллигенцию» (Н. Бердяев). Суть «кружковой интеллигенции» заключается в том, что она искусственно выделена из общенациональной жизни и находится под двойным давлением – внешним,

---

³¹ Культура России IX – X вв. М. Простор 1996 с.193.

³² «Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.», часть 2, СПб., 1905 г., с. 256, 260, 284.

олицетворяемым реакционной властью и внутренним – выражающемся в инертности мысли и консервативности чувств.³³ Основные черты «кружковой интеллигенции»: господство народолюбия без понимания внутренних потребностей развития народа, господство утилитарно- морального критерия, нигилизм, преобладание идеи распределения и уравнивания над идеей производства и творчества, жажда быстрых результатов без понимания их долгосрочных последствий. Противостояние между интеллигенцией и «кружковой интеллигенцией» выразилось в отношении к науке и применению ее достижений для индустриализации. В экономической науке это ярко проявилось в дискуссиях между сторонниками оптимальных темпов социально – экономического роста России (Н. Кондратьев, В. Базаров, Н Бухарин, Г. Фельдман) и сторонниками форсированных темпов (И. Сталин, С. Киров, Орджоникидзе). Сторонники форсированных темпов объясняли их необходимость объективными причинами и благородными целями, которые, безусловно, существовали (международное положение, отсталость России, сохранение статуса Великой державы положение), но были не в состоянии понять вариантность их реализации и возможности науки в выборе оптимального варианта для благосостояния народа. Сама жизнь через голод и лишения людей доказала необходимость проверки темпов экономического роста их последствиями для потребления населения, что было учтено составителями второй пятилетки. Но плата за форсированные темпы индустриализации была громадной, оправдание ее только объективными условиями представляется нам не обоснованным. Среди разнообразных причин тяжелой платы населения за индустриализацию была, безусловно, конкретная социальная среда, включающая интеллигенцию, которая предопределила авторитарные методы управления и культ личности.

5. Методологическая преемственность дореволюционной и социалистической индустриализации.

Преемственность методов социалистической индустриализации определяется как аналогичностью стартовых условий, так и тем, что ученые, разрабатывающие методологию, опирались на теорию и практику предшествующего периода. Изучение теории и практики предшествующего периода позволило создать совершенно новые подходы в теории планирования индустриализации.

Аналогичность стартовых условий определялась, прежде всего, тем, что в России ни к периоду дореволюционной индустриализации, ни к периоду

---

³³ Бердяев Н. «Философская истина и интеллигентская правда» в сборнике «Вехи», М., 1990г. стр.5

социалистической индустриализации, не сложился единый механизм воспроизводства капитала. Воспроизводство капитала осуществлялось в двух типах. Первый тип – смешанный, представлял слияние чисто капиталистического накопления с первоначальным. Второй – чисто капиталистический, не соединенный непосредственно с раннекапиталистическими методами эксплуатации. Кругообороты капиталов первого типа осуществлялись в основном через массовый рынок, сохраняющий в значительной степени докапиталистическую структуру, монополизированный в самых грубых формах местным торгово-ростовщическим капиталом. Этот тип капитала функционировал в основном в группе «Б» промышленности, его формирование проходило в системе различных уровней предпринимательства – от работы на дому до крупнофабричного производства. Но на всех уровнях предприниматель соединял функции прямой эксплуатации наемных рабочих с торгово-ростовщическими операциями. Расширенное воспроизводство данного типа осуществлялось не только за счет использования прибавочного труда «самостоятельного» товаропроизводителя, но и за счет необходимого труда. Капиталы, функционирующие в этой группе, обладали своеобразной монополией, доходы которой обеспечивали «русскую сверхприбыль» в основном не за счет силы концентрированного капитала, а за счет накопленной веками торгово-промышленной информации. Суть ее заключалась в знании чрезвычайно пестрых местных хозяйственных условий, приемов и материальных средств «дикой» торговли у миллионов оптовиков, мелких и мельчайших торговцев.

Второй тип воспроизводства – чисто капиталистический, не соединенный непосредственно с раннекапиталистическими методами эксплуатации. Капиталы, обеспечивающие воспроизводство данного типа, функционировали в основном в отраслях тяжелой промышленности, их кругооборот проходил на рынке организованном в большей части по капиталистически. Существование этого типа обеспечивалось в значительной степени широкими связями с иностранными финансово-промышленными группами, использованием выгод международного разделения труда, применением НТП. Но «чистота» воспроизводства второго типа была относительной. Даже самые развитые формы промышленно-финансового капитала должны были на массовом рынке вписаться в систему оптовой

полуфеодальной торговли, существующей на грабеже самостоятельных производителей.³⁴

Устойчивость двух типов воспроизводства капитала стимулировалась региональным разнообразием России, сглаживание которого не могло быть искусственно ускорено, т.к. имело глубокие национальные и социальные корни. Многомиллионная и многонациональная Россия жила в разном историческом времени: от первобытной общины до монополистического капитализма. Это не могло не сказаться на формировании индустриального строя России. Если в развитых капиталистических странах период меркантилизма и первоначального накопления капитала, с характерно значительной ролью государства в экономических процессах, сменяется периодами совершенной, а затем монополистической конкуренции, то в России эти периоды, с одной стороны, были достаточно размыты во времени, а, с другой стороны, представлены одновременно в начальный период индустриализации в форме различных социально-экономических укладов.

Первая мировая война, Октябрьская революция, гражданская война и связанная с ней политика военного коммунизма прервали процесс становления единого механизма воспроизводства капитала. Возникла необходимость таких методов хозяйственного регулирования, которые позволили бы в кратчайшие сроки восстановить хозяйство и создать условия инвестирования нового этапа индустриализации. Нэп стал политикой, обеспечивающей эти задачи.

Изучение теории и практики предшествующего периода позволило создать совершенно новые подходы в теории планирования индустриализации.

Теория планирования индустриализации, возникшая и частично реализованная в период нэпа (план ГОЭЛРО, план развития сельского хозяйства Н. Кондратьева, годовые планы на 1924/1925гг, 1926/1927 гг., составление генерального плана развития народного хозяйства на 1928 -1940 гг), опираясь на опыт прошлого (план индустриализации Витте, план мобилизации военной промышленности, организации рынка хлебов), исходила из необходимости и возможности сочетания прямых и косвенных методов регулирования. К периоду 20- х. годов относятся такие выдающиеся открытия российской экономической науки, вошедшие в мировую экономическую мысль, как: теория длинных волн Кондратьева, метод генетика-телеология Базарова, провизорный баланс Немчинова, модель темпов

---

³⁴ Ю.Н. Нетесин «Об особенностях воспроизводства российского промышленного капитала в начале XX века». В книге Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности. стр.48.

экономического роста Фельдмана, динамические коэффициенты Громана, баланс народного хозяйства Попова. Эти методы теоретически позволяли осуществить сочетание прямых, косвенных и административных методов регулирования через сочетание долгосрочного, среднесрочного и годового планов. На практике подобное сочетание столкнулось с трудностями как объективного, так и субъективного характера.

К трудностям объективного характера, на наш взгляд относится отсутствие практики правового регулирования взаимоотношений между государством и хозяйствующими субъектами. Осуществление нэпа показало, что использование значительных возможностей частного сектора для инвестирования индустриализации во многом тормозилось сращиванием нелегальных элементов в частном бизнесе и государственном аппарате, что лишало легальный частный бизнес правовых гарантий и стимулировало нарастание нелегальности. Борьба с подобным явлением, начиная с конца 20-х годов, стала осуществляться методами террора, которые могли быть осуществлены только личностями на него способными. К ним, безусловно, относился И. Сталин. (Субъективный фактор). Методы террора оправдывались необходимостью форсированных темпов, что привело к их систематическому «подхлестыванию». В этих условиях, использование таких конкретных методов индустриализации, сложившихся в дореволюционный период, как перекачивание средств из сельского хозяйства в промышленность через ножницы цен, выделение основного звена развития промышленности без увязки его с другими отраслями хозяйства, приобрело гипертрофированный характер. В связи с этим, складывалась макроэкономическая структура, обладающая диспропорциями между развитием: промышленности и сельского хозяйства, первым и вторым подразделениями общественного производства, инвестиционного и потребительского комплекса. Развитие диспропорций поддерживалось системой администрирования, которая постепенно оформилась в «административную монополию». Суть «административной монополии» заключается в том, что, возникнув в условиях «догоняющей модели развития» для преодоления структурных диспропорций, она может существовать лишь при наличии подобных диспропорций, которые она в силу борьбы за свое существование систематически генерирует. Сложившаяся административная монополия была логическим продолжением сращивания государства и монополии в дореволюционный период. Нэп был не только временным отступлением, но и неизбежным зигзагом в развитии этой монополии, которая

практически не может быть абсолютной. Подобный зигзаг выразился в формировании частного сектора в «ублюдочном» виде. Его существование формировалось не «рыночными правилами игры», а взаимодействием с государственным сектором на основе диктата «административной монополии».

6. Сущность и возможности реализации различных вариантов индустриализации.

Варианты социалистической индустриализации, сложившиеся в ходе дискуссий 20-х годов XX века, отличались по критериям: отраслевой последовательности, источникам инвестирования, институциональной структуре, уровню темпов. Вариант, ориентированный на первоначальное развитие сельского хозяйства и отраслей второго подразделения, опирающийся на перелив капитала из отраслей легкой в тяжелую промышленность, сохранение частного предпринимательства в отраслях легкой промышленности, был частично апробирован в годы нэпа, когда после восстановления хозяйства начался его рост (1925 г.) В ходе реализации нэпа проявилась взаимосвязь достоинств и недостатков данного варианта. Достаточно быстрый рост благосостояния населения, был неравномерным, что вело к значительной дифференциации потребления и обостряло социальные противоречия. Преимущественный рост легкой промышленности и восстановление сельского хозяйства могли привести к переливу средств в тяжелую промышленность, в условиях допущения частного капитала, при правовом взаимодействии государства и рынка. Отсутствие подобного взаимодействия, тормозило перелив капитала и соответственно темпы индустриализации. Преодоление естественных кризисов, в условиях существования рынка могло опираться на взаимодействие прямых и косвенных методов регулирования. (Теоретически подобное взаимодействие было разработано Н. Кондратьевым еще в годы Первой мировой войны для выхода из хлебного кризиса). Препятствием к разрешению противоречий нэпа и использования предложенного варианта индустриализации стала конкретная ситуация в руководстве страны, победа сталинского курса на административные и репрессивные методы управления. Именно такими методами был разрешен хлебозаготовительный кризис 1928 года, после которого отказ от нэпа стал реальностью. Осуществление сталинского курса форсированных темпов стало возможным в условиях опоры на настроения беднейших слоев населения города и деревни, их веры в вождя, неграмотность, веру в сказочные варианты индустриализации.

Вариант форсированных темпов индустриализации был ориентирован на преимущественное развитие инвестиционных отраслей; выкачивание средств из сельского хозяйства; ликвидацию частной собственности, создание финансовой системы, нацеленной на максимальное изъятие средств у населения с помощью косвенных налогов. Конечный вариант первого пятилетнего плана (1928 -1932 гг.) полностью отразил данный вариант.

В период первого пятилетнего плана были созданы основы крупной промышленной индустрии, заложены научные основы развития оборонного комплекса (развитие физической науки), ликвидирована безработица. Но форсированное развитие отраслей первого подразделения не было сбалансировано с развитием сельского хозяйства и отраслями второго подразделения, что привело к голоду 1931-1933 годов. Конкретная социально – экономическая ситуация в стране к концу первой пятилетки доказала, на наш взгляд, невозможность реализации варианта форсированных темпов в задуманном варианте. Второй пятилетний план предусматривал ликвидацию диспропорций между отраслями инвестиционного и потребительского комплекса за счет преимущественных темпов капиталовложений в отрасли второго подразделения. Для осуществления сбалансированного развития отраслей первого и второго подразделения были частично использованы меры, предложенные в альтернативном варианте. Это позволяет, на наш взгляд, говорить об использовании в практике социалистической индустриализации не только варианта форсированных темпов, но и элементов отвергнутого плана, основанного на сбалансированном развитии народного хозяйства. В дальнейшем, сочетание этих вариантов было теоретически оформлено (А.И. Ноткин) идеей ступенчатой оптимизации, когда на первом этапе максимизируется фонд накопления (фонд инвестирования), а на последующем фонд потребления. Осуществление ступенчатой оптимизации можно проследить не только на практике первого и второго пятилетнего плана, но и в дальнейшем, при реализации семилетки и восьмого пятилетнего плана. Однако полная реализация оптимизации соотношения между инвестированием и потреблением, как показала практика, возможна при оптимальном сочетании государственного и частного капитала, прямых и косвенных методов регулирования, целей долгосрочных программ и текущего регулирования хозяйства. В обеспечении подобной оптимальности в настоящее время определяющую роль играет не только развитие правовых норм хозяйствования, но и создание системы их реализации.

111. Список работ, опубликованных по теме диссертации.

МОНОГРАФИИ (31 п.л.)

1. Погребинская В.А. Институциональные особенности начала индустриализации России. М.: Теис, 2006 (13 п. л.).
2. Погребинская В.А. Эволюция социально-экономической структуры России в последней трети XIX – первой трети XX века. М. Экономический факультет МГУ, Теис 2000 (7 п. л.).
3. Погребинская В.А., Бухвальд Е.М. Социальная направленность экономического роста. М.: Наука, 1990 (8,8/4,4 п.л.).
4. Погребинская В.А. Разработка методологии генерального плана в конце 20-х – начале 30-х годов. М.: Наука, 1979 (6,6 п. л.).

ГЛАВЫ В КОЛЛЕКТИВНЫХ МОНОГРАФИЯХ (2,3 п.л.)

1. Погребинская В.А. Темпы экономического развития в условиях интенсификации общественного производства. – В: Расширенное воспроизводство в условиях интенсификации экономики. М.: Наука, 1986 (Соавторы: Е. Бухвальд, А. Ноткин, В. Маевский, Г. Зотева) (10/1 п.л.).
2. Погребинская В.А. Новое экономическое направление (методы исследования российского типа экономики). – В: Эволюционная экономика и «Мэйнстрим». М., Наука, 2000 (Соавторы В. Маевский, А. Нестеренко) (10/1 п.л.).
3. Вступительные статьи к работам В.А. Базарова и Г.А. Фельдмана в: Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. В 5 т. М.: Мысль, 2004. (0,3 п.л.)

Научные статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, перечень которых утвержден Высшей аттестационной комиссией (5,05).

1. Погребинская В.А. Промышленная политика России в конце XIX – начале XX в. //Вестник МГУ. Серия 6 «Экономика». 2008. № 3 (0,7 п. л.)
2. В.А. Погребинская Демография и индустриализация на рубеже XIX и XX вв. //Российское предпринимательство. 2008. № 10 (0,5 п. л.).
3. Погребинская В.А. Структура национального богатства России к началу индустриализации: в последней трети XIX – начале XX века //Предпринимательство. 2008. № 6 (0,25 п. л.).
4. Погребинская В.А. Институциональные условия начала индустриализации России (последняя треть XIX – начало XX века) //Экономика и управление. 2008. № 5 (0,5 п. л.).
5. Погребинская В.А., Бовыкин В.И., Бабушкина Т.А., Крючкова С.А. Иностранцы общества в России в начале XX века //Вестник МГУ. Серия «История». 1968. № 2 (1/0,3 п.л.).
6. Погребинская В.А. Проблема темпа в начальный период планирования // Плановое хозяйство. 1975. № 3 (1,0 п.л.).
7. Погребинская В.А. Scientific concept of socialist planning. Socialism //Theory and Practice. 1975. No. 12. P. 63–72 (0,8 п.л.).
8. Погребинская В.А., Бухвальд Е.М. Ленинские идеи динамики прибавочного продукта и темпы экономического развития СССР //Вопросы экономики. 1985. № 4 (1/0,5 п.л.).
9. Погребинская В.А., Бухвальд Е.М. Социальные условия интенсификации труда //Экономические науки. 1984. № 10 (1/0,5 п.л.).

Статьи в других журналах и изданиях: (11,2 п.л.)

1. Погребинская В.А. Хозяйственная эволюция России в 1796–1870 гг. Лекция //Экономический журнал. 2006. № 12 (1,4 п. л.).
2. Погребинская В.А. Вторая промышленная революция //Экономический журнал. 2005. № 10 (4,5 п. л.).

3. Погребинская В.А. Параллельная экономика в работах российских ученых-экономистов //Историко-экономический альманах. Вып. 1. М.: Академический проект, 2004 (1,1 п. л.).

4. Погребинская В.А. Основные противоречия «догоняющей модели развития» (сравнительный анализ периодов конца XIX – начала XX веков с концом XX – началом XXI века) //Историко-экономический альманах. М.: Академический проект, 2007 (1 п. л.).

5. Погребинская В.А. Институциональные особенности экономического потенциала России в преддверии Первой мировой войны. В сб.: Военная экономика России в первой половине XX столетия. М.: Институт экономики РАН, 2006 (1,6 п. л.).

6. Погребинская В.А. Структурные проблемы российской экономики //Военная экономика России в первой половине XX столетия. М.: Институт экономики РАН, 2006.(1,2 п.л.)

7. Погребинская В.А., Воейков М.И. Становление теории советского хозяйства. В сб. Российская политико – экономическая мысль: основные черты и традиции М.: Институт экономики РАН 2000.(0,8/ 0,4).

Статьи в энциклопедиях (1п.л.)

1. Погребинская В.А. Модернизация. – Статья в: Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1. М.: РОСПЭН, 2008 (0,6 п. л.).

Учебные пособия (21,5 п.л.)

1. История экономики: Учебное пособие. Волгоград: Политех. МВО России, 1999 (соавторы Л.Шаховская, Л. Синицина) (8/4 п. л.).

2. История экономических учений: Учебное пособие. Волгоград: Политех. МВО России, 2002 (соавторы Л. Шаховская, Л. Синицина) (8/3,5 п. л.).

3.. Погребинская В.А. Социально-экономические проблемы России второй половины XIX – начала XX века. М.: ИНФРА-М, 2005 (14 п. л.). Учебное пособие.

Участие в международных конференциях и симпозиумах.(3 п.л.)

Материалы опубликованы:

1. Погребинская В.А. Организация промышленных объединений России в конце XIX – начале XX века. Доклад на III международной научной конференции «Индустриальное наследие», проходившей 28 июня – 1 июля 2007 г. в Выксе Опубликован в: Индустриальное наследие. Материалы III Международной научной конференции. Саранск: Издательский центр МГУ им. Н.П. Огарева, 2007 (0,5 п. л.).

2. Погребинская В.А. Институциональные ограничители экономического роста России (сравнительный анализ конца XIX – начала XX в. и конца XX – начала XXI века). Доклад на Международной научной конференции «Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века», проходившей 24–25 ноября 2004 г. в Москве. Опубликован в материалах конференции «Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века». М.: Издательство МГУ, 2006 (0,5 п. л.).

3. Погребинская В.А. История проблемы стабильности и динамичности социально-экономического развития России. Доклад на международном симпозиуме «Эволюционная экономика: Проблемы и противоречия теории и практики» 4–6 июня 2000 г. в г. Пущино. Опубликован в материалах конференции «Эволюционная экономика: проблемы и противоречия теории и практики». М.: РАН, 2001 (1 п. л.).

4. Погребинская В.А. Новое экономическое направление (методы исследования российского типа экономики). Доклад на международном симпозиуме «Эволюционная экономика и «Мэйнстрим»» в г. Пущино 29 мая – 1 июня 1998 г. Опубликован в: Эволюционная экономика и «Мэйнстрим». М.: Наука, 2000 (0,5 п. л.).

5. Погребинская В.А. Понятие «генетика» в российской общественной мысли. Выступление на международном симпозиуме «Эволюционный подход и проблемы переходной экономики» в г. Пущино 12–15 сентября 1994 г. Опубликовано в материалах симпозиума «Эволюционный подход и проблемы переходной экономики». М.: РАН, 1995 (0,5 п. л.).

Приложение Модель взаимосвязи между: генетическими чертами развития России, стержневыми институтами, телеологическими (целевыми) установками и макроэкономической структурой.

